НЕИЗБЕЖНОСТЬ ГАРМОНИИ

● ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 8-Й СТР.

микрорайоны, города разрастаются вширь. Под асфальтом и громадами домов исчезают целые свекловичные плантации, сады, пастбища. Нет подчас у наших градостроителей желания задуматься: как обеспечить жильем всех горожан при бережном, хозяйском отношении к земле. Может, в каких-то случаях есть смысл идти на снос старых домов в центре города, а на их месте сооружать новые, высотные, несмотря на то, что в этом случае жильем придется обеспечивать и старожилов, и новоселов. Выход всегда можно найти, было бы только горячее желание сохранить землю, использовать ее по основному ее назначению — для производства зерна, овощей, фруктов, травы и т. д.

Л. Новиченко. Поэтому-то, думается мне, литература, как и вся система нашего общественного воспитания, обязана способствовать тому, чтобы в отношении к природе быстрее преодолевались проявления потребительской, близоруко-прагматической психологии, вред от которой увеличивается по мере роста технической вооруженности современного человека. На смену этой психологии придет — и в нашем обществе уже приходит — новое отношение к природному миру, отношение не только подлинно хозяйское, но и дружеское, полное умной заботы о живой природе как общественном богатстве, которое надо не только сохранить, но и умножить.

Мы не всегда задумываемся о действительно современном отношении к природе, которое уже не может быть таким, каким было, скажем, 100, или 200, или, может быть, даже 30 лет назад. Природа, разумеется, представляет собой не только объект и естественную обстановку нашей практической, хозяйственной деятельности. Она удовлетворяет наши эстетические, а в каком-то смысле и нравственные потребности, она учит созерцанию и размышлению. История поэзии, история литературы являют высокие художественные образцы бесконечной человеческой влюбленности в природу, сердечного, эмоционального общения с ней. Счастлив человек, счастлив художник, способный на проникновенный «тайный» разговор с лесами и водами, с травой и птицей. В наше время потребность в таком поэтически созерцательном общении с миром природы не только не уменьшилась, но, очевидно, во много раз увеличилась: урбанизация, напряженный ритм повседневной жизни учат по-новому ценить радость этого общения.

И вместе с тем мы сегодня смотрим на природу новыми глазами, осознается нами это или нет. Не только потому, что очень и очень часто мы видим ее, так сказать, через окуляры современных научно-профессиональных знаний и представлений — глазами геолога, инженера, кибернетика, агронома, архитектора, селекционера и т. п. (что, кстати, рождает и новые, не традиционные образные ассоциации, все явственнее приходящие в поэзию, в живопись). Но это лишь одна из сторон того общего, революционно-преобразовательного отношения к миру, которое отражается и в нашем современном подходе к природе. Даже «спасать» живую природу, даже сохранять те или иные нетронутые ее уголки наше общество сегодня может лишь при условии все более активного сознательного управления ее развитием. Современный человек не может не вторгаться в «естественную» жизнь окружающей природы, и чем дальше — тем глубже. Видимо, и в психологическом смысле надо искать какой-то синтез, сочетающий и активно-творческое отношение к природному миру, и «старую» способность наслаждаться его поэзией, его вечной красотой, уметь, если хотите, быть добрым, отзывчивым его созерцателем.

Ч. Айтматов. Вы совершенно правы. Мне кажется, что литература должна поднять свой голос, не только вообще в защиту природы, но проявить особую заботу о том морально-психологиче с к о м комплексе человеческой души, который связан с восприятием природы. Литература должна этим заняться — это ее долг, ее миссия. Но—увы!—у нас еще мало произведений, подобных «Русскому лесу» Леонова, отличающихся действительно большой, всеобъемлющей постановкой проблемы.

Очень интересно, хотя и спорно, выступает Солоухин. Я имею в виду его эссе «Трава», которое напечатано в журнале «Наука и жизнь». Эмоционально я на стороне Солоухина, хотя разумом понимаю, что всю траву сохранить невозможно.

Л. Новиченко. А поставьте себя на место хозяйственника, которому нужно увеличивать — притом достаточно быстро — поголовье скота...

Ч. Айтматов. Да, но писателю, чтобы сильно сказать, надо заострить мысль, сгустить краски, добиться такого впечатления, как это удалось американскому кинорежиссеру Крамеру в фильме «Благослови зверей и детей».

Не спокойно и рассудочно, а на самом высоком накале чувств, с какой-то долей оправданного преувеличения литература должна внушать человеку: «Береги природу!» Пока что я не вижу в нашем искусстве примеров такого сильного, эмоционального, острого, глубоко захватывающего разговора, от которого дрогнет сердце у человека и он проникнется мыслями и чувствами автора.

Л. Новиченко. Вас волнуют в данном случае вопросы охраны природы. В этом я полностью с вами согласен.

Но я позволю себе подойти к проблеме «Литература и природа» (к этому обязывает моя литературная специальность критика) в более широком и более общем, что ли, плане.

Охранять природу, воспитывать бережное, уважительное к ней отношение как к источнику и хранилищу жизни на Земле? Разумеется, это важнейшая задача нашего общества и, следовательно, литературы. Но как бы там ни было, это лишь часть значительно более широкого вопроса об отношении современного человека к природе. Потому что развитие социалистической экономики, техники, науки, самих форм быта людей ведет ко все более активному вторжению человека в природу, в ее естественные процессы. В наше время эта необходимость становится очевиднее, чем когда-либо ранее, хотя тоска по «нетронутой природе», как и по старинным, патриархальным формам сельской жизни, либо отголоски подобных настроений все еще встречаются в некоторых произведениях современной литературы.

Если же говорить о попытках позитивного решения этой проблемы во всей ее широте — решения, разумеется, теоретического, мне вспоминаются мысли, высказанные крупнейшим советским ученым академиком В. И. Вернадским еще в годы Великой Отечественной войны. Его статья называлась «Несколько слов о ноосфере» и была опубликована в специальном журнале «Успехи биологии» в 1944 году. Человечество в наш век обладает, по мысли ученого, такими производительными силами, что способно совершать изменения в окружающей среде, равные по своим масштабам геологическим переворотам. Именно поэтому и благодаря этому, подчеркивал В. И. Вернадский, эволюция взаимоотношений человека с природой должна вступить в стадию «ноосферы» (сферы разума), где все стихийное и разрушительное в этих отношениях уступит место разумному, плановому, истинно творческому началу.

Мне лично эта концепция представляется плодотворной. А как много могут и должны сделать литература, искусство, воспитывая современное поколение в «чувстве ноосферы» — чувстве творческого, разумно-деятельного и в то же время ответственного, интимно-родственного отношения к окружающей природе!

Если же говорить о произведениях большого дыхания, выражающих это современное отношение к природе, то они в советской литературе есть. Классический пример — творчество М. Пришвина. Он был не только тончайшим наблюдателем, ведателем, живописцем органической жизни природы, но и певцом творческого сотрудничества человека с ней. Это и Н. Заболоцкий, поэт с особо развитым чувством грядущей «ноосферы»: «...и кузнечик трубу свою поднял, и природа внезапно проснулась, и запела печальная тварь славословье уму...» И М. Рыльский, всем духом своей поэзии утверждавший полнокровный синтез природы и современной цивилизации.

Ч. Айтматов. Преобразующая роль человека, как вы справедливо сказали, революционное и вместе с тем подлинно хозяйское отношение человека к окружающей среде — это фактор наиглавнейший, и я это прекрасно понимаю. Понимаю, что человек должен быть преобразователем природы. Я помню и те времена, когда мы говорили, что «мы не можем ждать милостей от природы; взять их у нее — наша задача».

Л. Новиченко. Истолкование этих слов грешило большим схематизмом.

Ч. Айтматов. Действительно, к ним по-разному можно относиться, и у меня по этому поводу есть свое, сугубо свое мнение. Вот в чем дело. Человек — существо всесильное. Природа ныне беззащитна перед ним. А если мы будем лишь акцентировать внимание на его преобразующей деятельности, то не кажется ли вам, что природа и человек в данном случае будут находиться в неравных условиях. Мы сейчас обладаем такими колоссальными мощностями, что если дать нам волю, то, как говорил академик Вернадский, сможем произвести геологическое потрясение.

Л. Новиченко. На неосмотрительные «потрясения» природа, кстати, активно отвечает.

Ч. Айтматов. Лишь в нашем сознании.

Л. Новиченко. Не только. Она отвечает пыльными бурями, засухами и т. д., она мстит нам за неразумные действия.

Ч. Айтматов. С точки зрения философской, исторической, экономической, социальной, все, что вы сказали и обосновали, — правильно.

Единственное, что меня смущает, — чтобы человек не увлекся своей преобразующей ролью, чтобы где-то был контроль, были сдерживающие факторы, тормоз какой-то, ибо природу преобразовать теперь не так трудно, а вот восстановить ее такой, какой она была от «сотворения» мира, нельзя.

Что касается Пришвина, то его книги и сейчас воспитывают в нас трепетное, бережное отношение к природе. А это чрезвычайно важно, поскольку следующие поколения людей будут обладать еще большим могуществом и возможностями для преобразования природы.

Может быть, я ошибусь в своих суждениях, но, наблюдая нашу молодежь, я порой не вижу в ней той влюбленности в природу, той эмоциональной сродненности со всем живым на земле, той готовности каждую минуту ощутить воздействие красоты — и тогда, когда молодежь потребительски относится к окружающей среде, и тогда, когда равнодушно несется по горам на грохочущем мотоцикле до тех пор, пока тянет мотор, не замечая сказочной красоты снежного Ала-Тоо. Видимо, то, что мы называем акселерацией, имеет влияние на психику, возможно, на психику целого поколения.

Меня это настораживает. Я начинаю думать: а почему это происходит? Где и когда случилось, что некоторые молодые люди утратили живой интерес к природе? Видимо, причиной — перенасыщение другого порядка: то, что они всю жизнь проводят перед телевизором, что кино, книги и другие средства коммуникации и информации загружают их до предела, и где-то это чувство к природе у них начинает ослабевать.

Может быть, надо начинать развивать взаимосвязи с природой с самого детства, с первых впечатлений детской души.

У меня было трудное, полусиротское детство, но я рос в такой обстановке, что я знал каждое гнездо на каждой колючке (у нас не было большого леса). Утром, просыпаясь, я испытывал радостное чувство от того, что могу побежать туда и посмотреть, что же там происходит с птенцами. А мой сын не может отличить яйцо воробья от яйца сороки. Это во втором поколении, а что же будет с его детьми и внуками? Ведь надо учитывать, что совершенствование человеческой души (чуткость, доброта, понимание прекрасного) — идет и через отношение к природе. Так что проблемы тут бесконечные...

Если человек будет с детства, с самого истока своего воспитан в кровном родстве с природой, — только тогда у меня будет уверенность, что в зрелом возрасте, в зените трудовой деятельности в нем сработают нужные тормоза и он не поддастся искушению равнодушного производственника. Что бы ему ни доказывали, его не придется агитировать за бережное отношение к природе, он сам будет внутренне готов к этому.

Л. Новиченко. Да, говоря о духовном мире нашего современника, мы не имеем права забывать об эмоциональной сфере. В этом смысле природа с той ее естественной, самобытной «душой» и «свободой», о которой писал когда-то Тютчев, — огромное корректирующее начало для современной человеческой психологии среди шума машин и привычной ровности городского асфальта. Я с волнением слушал то, что вы говорили о своем детстве, хотя в нашем детстве было немало и такого, о чем не приходится жалеть.

Сейчас общение с природой стало куда более затрудненным для большей части детей: городской ребенок уже не может быть с природой в таких свободных, поэтичных взаимосвязях, в каких в свое время были мы, сельские дети. Но надо искать и находить какие-то новые формы приобщения и городского ребенка к природе. Может быть, когда-то в будущем (позвольте мне помечтать) в наших школах будет введен четвертый обязательный «зеленый семестр» для городских детей с сочетанием посильного труда на земле, познавательных занятий и отдыха. В конце концов в идее политехнической школы, преследующей цель всестороннего развития личности, заложена и эта потребность.

Тургеневский Базаров, споря с идеалистически настроенными барами, в каком-то смысле был прав, когда утверждал, что природа — не храм, а мастерская. Разумеется, прежде всего мастерская. Но мы должны сохранить почтение перед природой и как перед огромным миром красоты естественной жизни.

С этой точки зрения, мне кажутся одинаково неправильными, как бездушный техницизм, так и сентиментально-умиленное отношение к природе, которое сводится к тому, чтобы оставить «все, как есть».

Ч. Айтматов. Все это верно. Лишь бы человек уберег себя от гордыни по отношению к матери-земле.

Куда бы он ни улетел, в какие «космосы» не занесло бы его, как только человек отрывается от Земли, перед ним мгновенно возникает проблема возврата к Земле. Он — дитя Земли. Человек где-то, когда-то, в чем-то должен смиренно почувствовать себя сыном природы и преклониться перед ней.

Я не сторонник однобокого сентиментально-умильного отношения к природе, хотя считаю, что в этом особого вреда нет.

Л. Новиченко. Да, пока оно не ведет к «эстетическому» оправданию пассивности и консерватизма...

Ч. Айтматов. Разумеется. Но меня больше беспокоит, чтобы человек, почувствовав себя всесильным, главной персоной на земле, не утратил своей человечности, своего трепетного отношения к природе.

Л. Новиченко. В докладе Л. И. Брежнева на XXIV съезде КПСС была определена четкая стратегическая линия — «органически соединить достижения научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства...». Думается, в этом залог того, что наше общество, развивая свою могучую индустриально-техническую базу, сумеет уберечь богатства природы, сохранить прочные контакты с ее живительным миром, не утратить ничего существенного из тех вечных ценностей, которые она дарит человеку. В этом, я думаю, мы с вами полностью сходимся.

Читая некоторые фантастические романы западных, а также японских писателей, видишь огромную волну специфически экологического пессимизма.

Ч. Айтматов. Видимо, для этого есть основания.

Л. Новиченко. Безусловно, этот пессимизм питается реальными сложностями нашего времени.

Однако не нам поддерживать те философски несостоятельные выводы, которые подчас делаются из этих реальных противоречий нашей эпохи.

Думаю, что перед нашим обществом не стоит той перспективы, которую нарисовал Айзек Азимов в одном своем романе: вся Америка третьего тысячелетия состоит из десятка огромных мегаполисов, в каждом из которых живет от 10 до 20 миллионов человек. Каждый из этих городов покрыт огромной прозрачной покрышкой, которая фильтрует солнечные излучения, изолирует людей от земной атмосферы. Есть там эпизод, в котором идет речь о поисках виновника преступления. И когда вспомнили, что в покрышке все-таки имеются незаметные выходы в окружающее пространство, встал вопрос — не бежал ли через них убийца. На что комиссар полиции спокойно ответил, что этого быть не может, так как жители города давно испытывают отвращение к тому внешнему, вечно зыбкому и колеблющемуся состоянию воздуха, которое именуется ветром...

Ч. Айтматов. Азимов нарисовал страшную картину, и вы правы, что мы можем предохранить свое общество от такого будущего. Но нам нужно постоянно быть начеку, постоянно помнить о том, что научно-техническая революция несет с собой не только блага, что она воздействует на нашу психику не всегда в желательном для нас направлении. Хорошо, когда научно-технический прогресс приближает к нам космос, но не менее важно, чтобы человек в век машин и ракет оставался человеком, чтобы он не превратился в холодное, рассудочное существо, позабывшее, как пахнет полынь, цветет тюльпан, как радуется весне и солнцу все живое. Это особенно важно в наше время, когда жестокость обретает столь невероятные формы — я имею в виду, в первую очередь, кровопролитную войну со Вьетнаме.

Л. Новиченко. Да, Вьетнам с невиданной силой показал, что современный империализм люто жесток не только к человеку, но и ко всему живому на земле.

В заключение мне хочется еще раз сказать, что научно-техническая революция при всех осложнениях, которые она вносит в жизнь человечества, и особенно во взаимоотношения его с окружающей средой, в состоянии дать и могучие средства для сохранения, развития, обогащения живой природы на Земле. Современное земледелие, продукция которого со временем должна увеличиться во много раз, чтобы прокормить человечество, не может существовать без той массы металла, электричества, удобрений и т. д., которые дает индустрия. Зеленую ниву лесов нельзя уберечь от вредителей без достижений современной науки — имеется в виду не столько химия, сколько биология. В распоряжении общества, строящего коммунизм, имеются достаточно надежные рычаги, чтобы обеспечить гармоничные отношения между индустрией и естественной средой — «природой второй» и «природой первой».

Ч. Айтматов. А литература призвана воспитывать в человеке ответственность за то, чтобы они жили друг с другом в добром согласии.